

SARMA O. V.

**САМИЗДАТ И ТАМИЗДАТ КАК ФЕНОМЕНЫ НЕЗАВИСИМОЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА
«СИНТАКСИС: ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, ПОЛЕМИКА»)**

Аннотация. В статье детерминируется влияние самиздата и тамиздата на советскую общественность и ее информационную культуру. Прослеживается динамика изменения политических векторов развития СССР. Акцентируется внимание на том, что любое литературное и общественно-политическое издание имеет идеологические приоритеты. В этой связи оно направляет и инициирует массовое сознание читательской аудитории в русле собственных социальных предпочтений.

Ключевые слова: хрущёвская «оттепель», эпоха застоя, антисоветская пропаганда, самиздат, тамиздат, идеология, информационная культура, тайная печать, международное соглашение.

SARMA O. V.

**SAMIZDAT AND TAMIZDAT AS PHENOMENA OF INDEPENDENT
JOURNALISM: A STUDY OF THE JOURNAL "SYNTAX: JOURNALISM,
CRITICISM, CONTROVERSY"**

Abstract. The article determines the influence of samizdat and tamizdat on the Soviet public and its information culture. The dynamics of changes in the political vectors of the development of the USSR is traced. Special attention is focused on the fact that any literary and socio-political publication has ideological priorities. In this regard, it directs and initiates the mass consciousness of the readership in line with their own social preferences.

Keywords: khrushchev's "thaw", era of stagnation, anti-Soviet propaganda, samizdat, tamizdat, ideology, information culture, secret press, international agreement.

Для того чтобы понять суть самизатовской и тамиздатовской печати второй половины прошлого столетия необходимо для начала подвергнуть анализу сами определения. Выяснить, откуда они пришли и каким образом сформировались. Это даст более точную картину происходивших на тот момент событий и поможет разобраться в возникновении феномена независимой публицистической культуры XX века.

Понятие «самиздат» появилось как некая пародия на название различных советских издательских организаций. Впервые близкое по смыслу слово «самсебяздат» употребил Н. И. Глазков еще в 1940 году, когда распечатывал на машинописных сборниках собственные стихи [3].

Советский и российский публицист, общественный деятель В. К. Буковский в своем автобиографическом романе «И возвращается ветер...» дал следующее определение данному понятию: «Самиздат: сам сочиняю, сам редактирую, сам цензурирую, сам издаю, сам распространяю, сам и отсиживаю за него» [4, с. 16].

Сын писателя Юлия Даниэля (прозаик и поэт, проходивший обвиняемым по делу в написании и передачи за границу произведений порочащих общественный советский строй совместно с Андреем Синявским) исследователь истории инакомыслия СССР Александр Даниэль характеризовал «самиздат» так: «Самиздат – это специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов <...> Автор может лишь «запустить текст в самиздат», дальнейшее не в его власти» [7, с. 251].

В самиздате печатали различные произведения литературы, которые из-за цензуры запрещались к публикации в советских изданиях. Так, хождение в народе получили многие выдающиеся произведения: «Архипелаг ГУЛАГ», «Доктор Живаго», «Жёлтый дом», «Раковый корпус», «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», «Светлое будущее», «Мастер и Маргарита» и мн. др. Стихотворения М. И. Цветаевой, А. А. Галича, В. А. Белого, И. А. Бродского, А. А. Ахматовой, А. И. Чёрного и О. Э. Мандельштама также увидели свет благодаря самиздату. Подобным образом по Советскому Союзу путешествовали и записные анекдоты И. М. Губермана, эпиграммы З. С. Паперного и переводная иностранная литература.

Термины «самиздат» и «тамиздат» приобрели статус интернациональных. Их популярность в период «оттепели» только ширилась, а во время правления Л. И. Брежнева она достигла своего максимального подъема. В СССР по причине международного соглашения в Хельсинки было запрещено преследовать самиздатовскую печать, но партийная интеллигенция нашла способ обойти договор. Тогда была создана неправительственная Хельсинская группа, которая отправляла заинтересованным правительствам документы, подтверждающие нарушения прав и свобод человека (нарушения советскими властями подписанных ими международных соглашений). Данные документы было запрещено транслировать в народе, и из-за пренебрежения этим запретом их распространителей преследовала власть. Нарушивших закон арестовывали, выгоняли с работы и подвергали принудительному психологическому лечению.

Несмотря на преследования, поток самиздата ширился (см. рис. 1), в связи с чем Ю. В. Андропов передал Центральному Комитету КПСС секретное сообщение, в котором отмечал: «За период с 1965 года появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критикуется исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе,

ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности» [цит. по: 1, с. 453].

Самое интересное, что одним из первых образцов самиздата являлся знаменитый доклад Н. С. Хрущёва «О культе личности Сталина», произнесенный им на XX Всесоюзном съезде ЦК КПСС. Хотя официально доклад и был опубликован лишь в годы перестройки, ничего не помешало ему в 60-е годы курсировать по стране в виде самиздата [1, с. 455].

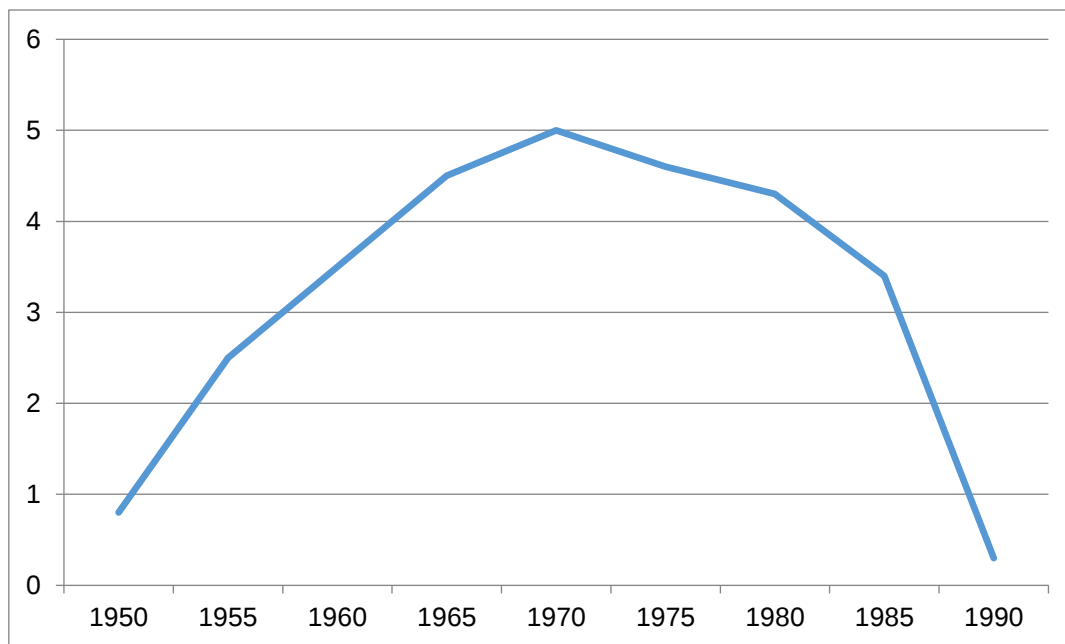

Рис. 1. График популярности самиздата и тамиздата с 1950 по 1990 годы.

Если говорить в общем, созданию самиздатовской печати поспособствовали, в первую очередь, переводчики, которые, в сущности, были литераторами, что освоили механизм самиздата. Началом «тайной печати» послужили переводные тексты Джорджа Оруэлла, Артура Кестлера, Антуана де Сент-Экзюпери, Альбера Камю и Франца Кафка.

В конце 1950-х и в начале 1960-х самиздат становится не только источником распространения запрещенных произведений, но и главным инструментом «второй культуры», той культуры, что игнорирует все ограничения цензуры. В самиздатовской печати продолжают появляться уже не только отвергнутые тексты, но и начинают фигурировать мысли читателей. Другими словами, люди перестали «писать в стол». Самиздат становится социально-культурной институцией.

Вероятней всего этот процесс начался тогда, когда журналист по имени Александр Гинзбург создал поэтический сборник – периодический альманах, собравший в себе все запрещенные произведения того времени, назвал его «Синтаксис» и, что самое невероятное,

указал на первой странице свое имя. Данное издание стало некой Декларацией независимости культурного процесса. Когда Александра Гинзбурга, успевшего выпустить уже четыре сборника, арестовали, обвинив в «антисовесткой агитации», процесс самореализации культуры без использования официально печатного станка был запущен (к примеру, был выпущен сборник Юрия Галанскова «Феникс»; «Митин журнал» Дмитрия Волчика и т. д.) [2, с. 385].

Дело альманаха «Синтаксис» продолжил журнал «Синтаксис: публицистика, критика, полемика», в котором антисоветская пропаганда действительно существовала: *«На середине нынешнего 1978 года странно держать в руках старый, тринадцатилетней давности, журнал «Грани» с его литературными новостями, так похожими на сегодняшние: 100 страниц – переписка Бориса Пастернака с Ренатой Швейцер, 100 страниц – «Синтаксис», подпольный литературный журнал московской и ленинградской молодежи. Вот и вся литературная часть. Для писем Пастернака «не вовремя» не существует. Но для «Синтаксиса» уже и в шестьдесят пятом году было поздно»* [11, с. 3–4]. Всего за период с 1978 по 2001 год было выпущено 37 номеров, редактурой занимались Андрей Синявский (до 10 выпуска) и Мария Розанова.

В журнале затрагивались различные проблемы современности, например, вопрос о введении или упразднении смертной казни. Так, Лев Копелев писал: *«Справедливость и целесообразность смертной казни утверждают сегодня верующие разных исповеданий и атеисты, ретрограды и революционеры, невежды и мудрецы, злые и добрые люди. <...> Обычно доказывают, что смертная казнь необходима, потому что закон и здоровое народное правосознание требуют возмездия за преступления <...> А также для того, чтобы предотвратить новые преступления <...> У нас в годы гражданской войны «красные» расстреливали уголовников, спекулянтов и политических противников... но это не предотвращало мятежей, не задерживало наступлений белых армий... Со своей стороны, белые» вешали и расстреливали всех, кого принимали за сторонников «красных». Но все же потерпели сокрушительное поражение... В Советском Союзе был введен закон: тот, кто похитил у государства товары или деньги в объеме, который суд сочтет значительным, – подлежал смерти... В 1961 году правительство Хрущева ввело закон, предусматривавший смертную казнь за хищение государственной собственности, за взятки, за спекуляцию валютой, золотом... По этим законам были убиты тысячи людей. Однако все эти годы продолжало расти число воров, спекулянтов и взяточников»* [8, с. 24]. В данном тексте нашлось место и антисоветской пропаганде (автор ссылается на официальные документы). Подобные негативные отступления по поводу социалистической системы присутствовали в каждом номере. Так, в 3 выпуске от 1979 году Советский Союз

сравнили с Третьим Рейхом: «В Третье Рейх существовал обычай: родственника приговоренного к смерти заключенного официально вручали квитанцию с требованием оплатить связанные с казнью расходы <...> Два года назад КГБ арестовал моего мужа. Аресту предшествовали «обыски» напоминавшие заурядные грабежи... Семнадцать месяцев «органы» продержали моего мужа <...> и под занавес, перенесенных А. Гинзбургом издевательств, присудили ему же заплатить 1,5 тысячи рублей за судебные издержки», писала А. Жолковская-Гинзбург [6, с. 4].

Хотелось бы отметить, что журнал «Синтаксис: публицистика, критика, полемика» был транслирован на страницах парижского журнала «Грани», поэтому данное издание можно считать тамиздатом. Оно просуществовало вплоть до конца XX века. Динамику его выпусков можно проследить по составленной нами схеме (см. рис. 2).

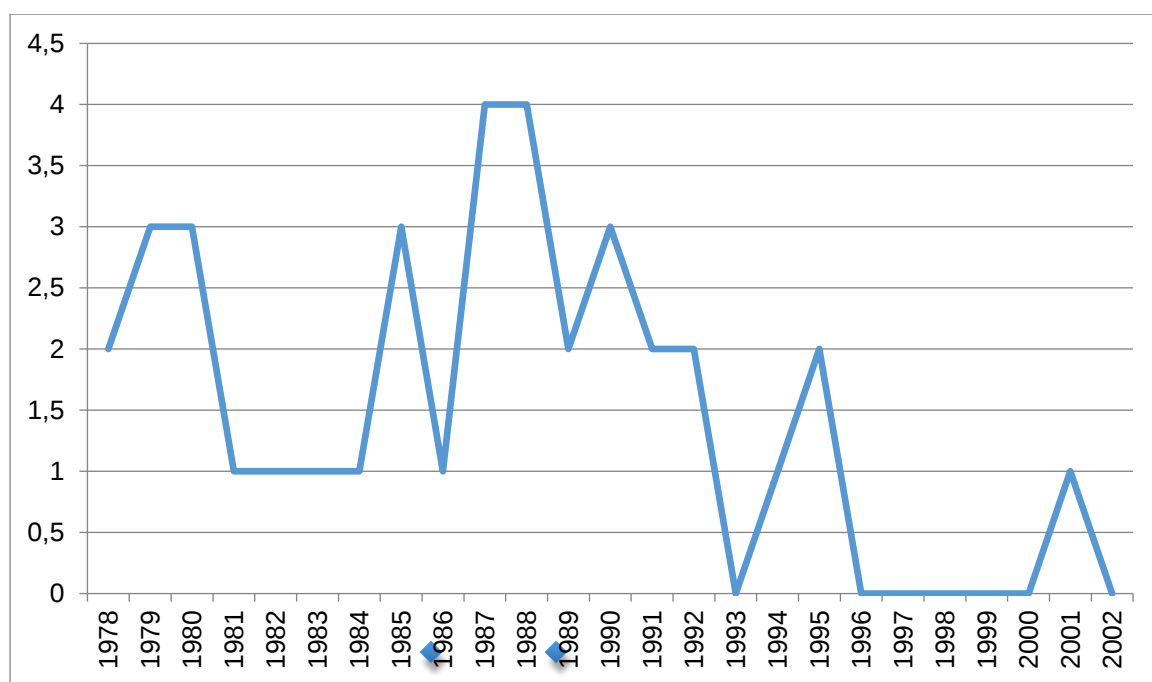

Рис. 2. Динамика выпусков журнала «Синтаксис: публицистика, критика, полемика» в период с 1978 по 2002 год.

Термин «тамиздат» также являлся пародией на официальные названия советских печатных изданий, таких как, например: «Политиздат» и «Госиздат».

По своей сути к тамиздатовской печати принадлежали тексты, опубликованные за рубежом и нелегально привезенные в Советский Союз. Как явление тамиздат возник в середине 1950-ых годов, т. е. в разгар «оттепели». Самыми знаменитыми в тот период

«тамиздатчиками» являлись: Александр Сергеевич Есенин-Вольпин, Юлий Даниэль, Борис Пастернак и Андрей Синявский.

Пик распространения тамиздатовской печати приходится на 1970-е годы. Это связано, прежде всего, с тем, что после жестоких преследований и скандальных процессов, таких как дело Ю. Даниэля и А. Синявского, многие литераторы принялись отправлять свои произведения для публикации за рубеж. Бывшие диссиденты, как, например, Александр Солженицын, не желая ссориться с партийными органами – именно таким образом объясняли свою публицистическую деятельность на Западе [9, с. 229–245].

Начиная с пятидесятого выпуска «Хроника текущих событий» доходила до советского читателя, в основном, через зарубежные каналы радиовещания и в виде нью-йоркского переиздания. Если говорить о других диссидентских текстах, то масштабы их распространения и переписывания были настолько незначительны, что рассуждать о них как о произведениях самиздатовской печати можно только с большой натяжкой [10, с. 354].

Исчезновение самиздата произошло в 1990 годы, тогда в Советском Союзе была отменена всякая цензура и необходимость в «тайной печати» сошла на «нет» [5, с. 243]. Однако упадок подобной публицистики начался еще гораздо раньше, в конце 70-ых годов прошлого века, тогда на смену самиздату пришел тамиздат, а позже они исчезли оба.

Периоды хрущёвской «оттепели» и брежневского застоя были многообразны. Для советской печати они характеризовались рядом взаимоисключающих противоречий. С одной стороны партийный контроль за деятельностью всех транслирующих информацию органов, с другой – стремление к литературной свободе. Самиздат и тамиздат создали тайную информационную культуру и стали неким «окном в Европу». Возможно, именно это послужило решающим фактором, который поспособствовал развалу Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксютин Ю. В. Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 622 с.
2. Беспалов А. Г., Конилов Е. А., Короченский А. П., Лучинский Ю. В., Станько А. И. История мировой журналистики. – 3 изд., доп. – Ростов н/Д: Изд. Центр «МарТ», 2004 – 426 с.
3. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bse.sci-lib.com> (дата обращения 02.02.2021).
4. Буковский В. К. И возвращается ветер. – М.: Новое издательство, 2007. – 510 с.
5. Волобуев О. В., Кулешов С. М. История и перестройка. Публицистические заметки. – М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. – 284 с.

6. Жолковская-Гинзбург А. С. // Синтаксис: публицистика, критика, полемика синтаксис. – Париж: [Б. и.], 1979. – № 3. – С. 3–5.
7. Заславская О., Даниель А., Комароми Э. Учредительная конференция международной Ассоциации исследователей Самиздата // Российские и славянские исследования: научный сборник. – Вып. 2 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2007. – С. 251–257.
8. Копелев Л. // Синтаксис: публицистика, критика, полемика синтаксис. – Париж: [Б. и.], 1978. – № 1. – С. 23–26.
9. Кузнецов М. Новое в жизни и литературе // Новый мир. – 1961. – № 10. – С. 229–245.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек-текст-семиосфера-история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 458 с.
11. Синявский А., Розанова М. // Синтаксис: публицистика, критика, полемика синтаксис. – Париж: [Б. и.], 1978. – № 1. – С. 3–4.